

БЕДНАЯ бедная

ЛИЗА

12+

1 сентября

БЕДНАЯ

бедная

САША

$A+B=$
↙↘

Евгения
Камуляк

Евгения Ивановна Хамуляк Бедная, бедная Саша и бедная, бедная Лиза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63514666

SelfPub; 2020

Аннотация

Непростая школьная история, в которую попали ученицы Саша и Лиза, похожа на настоящий детектив, где замешаны интересы амбициозных родителей и не менее амбициозных учителей. Распутать этот клубок страстей берется старая учительница Михеева Валентина Алексеевна, у которой есть свои секреты, как сделать всех счастливыми.

Евгения Хамуляк

Бедная, бедная Саша и бедная, бедная Лиза

Глава 1. Улей диких пчел

Валентина Алексеевна, учительница младших классов и классный руководитель общеобразовательной школы №2, а ныне дважды лучшего колледжа №1, сидела за своим рабочим столом, проверяя тетради с контрольной, которую всегда проводила по четвергам вот уже тридцать пять лет своей преподавательской деятельности.

Проверяла и периодически вздыхала, находя одинаковые ошибки у детей, сидящих рядом за партой. А Валентина Алексеевна помнила своих учеников в лицо и поименно, а также их расположение в классе, причем на протяжении всех тридцати пяти лет, стоило только восстановить в памяти учебный год.

Проверяла и, недовольно качая головой, отмечала в своем дневнике основные допущенные учениками ошибки, чтобы еще раз посвятить урок пятницы повторению этой сложной темы. Как вдруг Валентина Алексеевна отвлеклась на стук в дверь, в которую впопыхах просунулась голова с золотыми

косичками Ангелины Агапкиной, ученицы пятого «В», прибежавшую, чтобы срочно вызвать свою первую учительницу, преподавшую когда-то Геле самый первый урок в жизни, на совещание к директору школы.

Валентину Алексеевну сильно удивило срочное приглашение, женщина посмотрела на элегантные наручные часики (подарок родителей одного из выпущенного ею класса) и ахнула, стрелки показывали девятый час вечера. Конечно же, учительница знала, что сегодня педсовет у директора по теме старших классов и будущего выпускного экзамена, но он должен был закончиться еще в три... Сама она задерживалась до такого времени, потому что предпочитала заканчивать дела контрольной четверга на работе. Тем более что дома, на тринадцатом этаже обычной подмосковной высокоэтажки, ее никто не ждал. У Валентины Алексеевны не было детей, а по причине полной самоотдачи преподаванию и воспитанию доверенных ей учеников она не могла завести и котеночка. Торопиться становилось некуда – школа являлась ее вторым домом.

Почему педагогический совет так затянулся? Зачем на совещании выпускников понадобилось присутствие учительницы младших классов? Откуда директор знала, что Валентина Алексеевна до сих пор в школе? С этими вопросами в голове, зловеще жажущими дикими пчелами в предчувствии обрушившейся на школу напасти, уважаемая преподавательница задумчиво поднялась с места, закрыла класс на

старинный ключ и медленно направилась в другую половину здания, где располагались классы старших учеников. Геля Агапкина, задорно прыгая с одной тонкой ножки на другую, сопровождала ее всю дорогу. Оторвавшись от тягостных мыслей, Валентина Алексеевна, обратилась к девчонке.

– Гелечка, не стриги золотые косы. Вот увидишь, стукнет шестнадцать, понасмотришься на глупую моду, захочешь остричь, а потом жалеть станешь, – назидательно проговорила женщина.

– Да вы уж говорили, Валентина Алексеевна, – весело отозвалась девочка.

– И не устану повторять. Ты и в классе у меня не с первого раза запоминала-то. А все потому, что красивая, а красивым в одно ухо влетает, а из другого – вылетает.

Девчонка захихикала в ответ на смешной комплимент, зная, что учительница шутит.

– Ведь моду придумывают глупые и страшенькие, чтоб хоть немного умнее да симпатичнее сделаться. А таким, как ты, ничего менять не надо. Здоровье, красота, радость при тебе и всегда в цене. Их помадами да клеєм не замажешь.

И обе рассмеялись скоротечному разговору, заведенному когда-то давно между учительницей и ученицей. Благодушие вернулось, но, когда учительница подошла к огромной двери в директорскую, опять улетучилось, ибо грозное жужжание свирепых пчел доносилось именно оттуда, заслоняя собой все звуки вокруг...

Геля почтительно попятилась назад, а Валентина Алексеевна, тягостно вздохнув, решительно открыла дверь.

***

Директорская была полна народу: за длинным столом рассаживались учителя всех дисциплин старшей школы, вокруг них на стульчиках примостились педагоги дополнительных образований и психологи, с боков стояли родители, а по окошkam сидели ученики выпускного класса... И весь этот улей жужжал, верещал, бубнил и долдонил во главе с раскрасневшейся от чрезвычайного возмущения, граничащего с отчаянием, директора школы Агапкиной Анжелики Игоревны. Завидев вошедшую женщину, директриса всплеснула руками, будто увидела ангела, и рванула со своего места встречать спасение от своих несчастий в лице Валентины Алексеевны.

– Дорогая Валентина Алексеевна, как я корю себя, что сразу не позвала вас в эти авгиевы конюшни помочь нам... – нелестно и совершенно непонятно начала свой разговор директриса, крепко вцепившись в руку старой учительницы, чем еще больше привела последнюю в замешательство.

Улей притих, а отчаяние на лице Анжелики Игоревны сменилось торжеством и решительностью. Она подняла вверх свой указательный палец, украшенный блестящей алой смальтой и кольцом из белого золота со сверкающим камушком посередине, любимый прием усмирять всякое

волнение. (А заодно, как полагали вслух и мысленно все учителя и ученицы школы, в очередной раз похвастаться своим чудесным кольцом.) Как бы то ни было, прием действовал, и все сначала устремляли свои взоры на безупречный маникюр и прелестное колечко, после перевода взгляд на сурово сведенные брови на красивом директором лице, и успокаивались.

– Предлагаю назначить ответственной за принятие непростого решения в деле Саши Худовой и Лизы Неугодниковой – нашу мудрую Михееву Валентину Алексеевну, – и, с облегчением вздохнув, молодая женщина плюхнулась на директорское кожаное кресло, схватив обеими руками разболевшуюся от нервов голову. Улей вновь заверещал, но директорше было все равно. Лучшего решения и не могло быть найдено, спасибо дочке Гельке, подсказавшей призвать на помощь старую учительницу, через добрые руки которой прошли в свое время Анжелика и половина учительского состава школы.

Валентина Алексеевна встала у руля, на месте, где только что вещала упавшая духом директорша, и мало-помалу класс, заполненный взвинченными взрослыми и возбужденными детьми, стал утихать, только их взоры касались спокойно ожидающего тишины лица старой учительницы.

Приводя всех к порядку и сосредотачиваясь, трижды постучав по столешнице красивой женственной рукой, Валентина Алексеевна заприметила в толпе своих бывших учениц,

а ныне завуча Бабкову Любовь Григорьевну и учительницу пения Носкову Аллу Геннадьевну. В прошлом отличниц, блестяще закончивших школу с красным дипломом, множеством грамот и превосходными рекомендациями за порядочность и ответственность, она обратилась к ним за разъяснениями.

– Наш колледж, удостоенный в прошлом и позапрошлом году звания «Лучший по стране» за высокие успехи в образовании и воспитании... – начала было Любовь Григорьевна, как ее тут же перебила директриса.

– Люба, да объясни ты по-человечески, что если мы не выгоним этих дрянных девчонок из школы, то есть колледжа – не видать нам ни «Учителя года», ни «Лучший колледж страны», ни Грантов президента, ни поездки в Лондон...

– Поступим так, – тяжело вздохнула Валентина Алексеевна, когда улей опять заголосил. – Попрошу остаться в директорской только учительский состав, а всем остальным – спасибо за терпение и спокойной ночи. Завтра вы узнаете решение педсовета, – сказала спокойно, но тоном, не допускающим возражений, старая учительница, и народ устало начал разбредаться по домам. Молодые и опытные педагоги, уставшие от долгих часов прений, с облегчением вздохнув, устремились к Валентине Алексеевне за спасительным советом.

– Проблема с Сашей и Лизой встала не сейчас. Мы долго терпели выходки и плохую успеваемость этих девочек, своим поведением портящих все возможные показатели и рей-

тинги, а также атмосферу в классе. И не только мы, замечу, – понизила голос Алла Геннадьевна после ухода родителей и детей. – Мирились и превозмогали, но пришло время, наконец, поставить девчонок на место и выгнать их с позором из школы.

– Выгонишь из школы, считай, мы – следующие. Никогда Раиса Степановна Худова такое не простит за внучку, – безнадежно подала голос Анжелика Игоревна, все так же в отчаянии держа голову растопыренными пальцами с идеальным маникюром, откуда несимпатично топорщились белые локоны развалившейся прически.

– Лиза – не просто хулиганка, а, как мы поняли, девочка с серьезным заболеванием, – сделала акцент Людмила Григорьевна, косясь на притихшего в углу психолога Светлану Николаевну Жабик. – Ей место в коррекционном интернате, где к таким детям особый, правильный подход. Где ей будет очень хорошо...

– Отправишь ее в спецшколу – Георг Валентинович Неугодников отправит тебя по распределению в Сибирь на найцев воспитывать, – вставила свое безнадежное словцо директриса и в речь завуча Людмилы Григорьевны.

– Валентина Алексеевна, вы единственный преподаватель, который в свое время дал этим девочкам положительные характеристики после младшей школы, вот вам расхлебывать теперь эту кашу... – с отчаянием воззрилась на пожилого педагога учитель биологии Абрамович Лилия Лео-

нидовна.

– Прекратить уныние! Алла с Любой, сядьте на место. Развели тут истерику, – строго сказала Валентина Алексеевна, вникая в суть вопроса, а про себя отмечая, что совсем девчонки не изменились. Анжелика все такая же боевая, в любом вопросе видит для себя личный вывод, Алла с Любой – хорошие девчонки, да уж больно дисциплинированные, как и в школе, буквально все воспринимают, шаг вправо, шаг влево бояться сделать. Никакого творчества! Вспомнились старой учительнице и злополучные Саша с Лизой.

– Что нам делать? – взмолились молодые женщины. – Ведь весь поток «А», «Б» и «В» классов с родителями подписи собрали по исключению хулиганок из школы. Обещали до гороно, до мэра города дойти. И у них есть все основания: целый год ребята с усердием занимались по самым сложным программам, готовились с репетиторами, выигрывали олимпиады, чтобы показать результат на всероссийском конкурсе «Лучшие из лучших». На кону золотые медали и долгожданная поездка в Лондон. И в шаге от выигрыша по вине двух негодяек, прогульщиц... Потерять все! – взывала Анжелика.

– Сашу с Лизой помню прекрасно. Хорошие девочки... – начала было Валентина Алексеевна, да тут же примолкла под душераздирающее рыдание не выдержавших нервного переутомления особ.

– Женский коллектив... – добродушно прокомментировала улыбнувшаяся девчачьим слезам мягкосердечная учи-

тельница. – Эх, слезами горю не поможешь, – погладила по светлой голове всхлипывающую Анжелику Игоревну. – Утро вечера мудренее. Идите все спать. Я поговорю с девочками. Разберемся, что к чему.

Грустные и уставшие, почти потерявшие надежду увидеть феерический Лондон, учительницы пения, химии, физики, алгебры, биологии, физкультуры, закинув на плечи тяжелые сумки с тетрадями и причиндалами, разбрелись по домам, в душе по-детски надеясь на старую русскую волшебную поговорку и на слова мудрой женщины, когда-то преподавшей им всем первый урок жизни.

***

И не зря Анжелика Игоревна надеялась на старую добрую учительницу. После того как все ушли и директриса привела в порядок свое усталое размазанное тушью лицо, Валентина Алексеевна заявила:

– Объяви-ка, Анжелика, завтра, что решение проблемы найдено. Всем, кто проявил себя зло и бездушно, грубо и бессовестно, не по-дружески и некрасиво – достанется по справедливости.

На такое резюме молодая директриса, судорожно вжав голову в плечи красивого переливчатого пиджака с перламутровыми пуговицами, согласно закивала взлохмаченными платиновыми локонами.

– Хочу поговорить с тобой серьезно, Ликочка. Приду к те-

бе завтра вечером на чай домой. Жди меня в двадцать ноль-ноль. Много вопросов накопилось, – глубокомысленно закончила Валентина Алексеевна свой разговор и, попрощавшись, пошла домой. Часы пробили полночь.

***

Посвятив пятницу работе над ошибками контрольной четверга, классный руководитель третьего «В» удовлетворительно заметила про себя, что за ночь учениками усвоил-ся-таки трудный материл, и зря она переживала. Даже в самые легковесные умы вошли непроизносимые и многочленные знаки и символы. И только к обеду, на досуге, Валентина Алексеевна разрешила себе подумать о непростой сложившейся ситуации в школе, при любом раскладе ведшей к бедам и слезам либо одних, либо вторых.

Сидя на своем рабочем месте и глядя в апрельское весеннее буйство за окном, Валентина Алексеевна искала подсказку. И природа, живая и многообразная, не заставила себя ждать: игра солнечных зайчиков, веселые подергивания весенних листочков, переливчатые лужи и благоухающий цветочками ветерок, раздувающий шелковые платочки, напомнили опытному преподавателю главный закон педагогики, который проходят все студенты педучилища, а после сдачи экзаменов поразительно быстро забывают, превращаясь в строгих всезнающих матрон курируемых дисциплин и наук. Основной закон педагогики гласит: «Все познается в игре.

Игра является инструментом развития, и в то же время средством в решении проблем и преодолении любых трудностей в воспитании ребенка».

И как только Валентина Алексеевна об этом подумала, тут же ее красивое, доброе, благородное лицо озарила улыбка. Ей пришла в голову замечательная идея, как решить эту непростую дилемму.

Дело в том, что в свободное от работы время одинокая учительница имела давнюю страсть к детективам: читать книги и смотреть фильмы этого жанра. Эркюли Пуаро с Агатами Кристи и Шерлоками Холмсами всех времен и народов теснились на полках и в шкафчиках, проемчиках и этажерках небольшой квартирki на тринадцатом этаже подмосковной высокоэтажки. Любимые, зачитанные и засмотренные до дыр, заклеенные скотчем и обмотанные газетными вырезками, увешанные винтажными, потерявшими былые краски плакатами, с которых глубокомысленно и всезнающе, словно давние друзья, смотрели лучшие сыщики и агенты... А Валентина Алексеевна, в свою очередь, по памяти и без запинки могла воспроизвести главные правила настоящего сведущего детектива, работающего по цепочке причинно-следственной связи и доверяющего лишь кропотливо проверенным фактам, полученным в ходе опроса свидетелей происшествия. Вот почему в деле «Бедной Саши и несчастной Лизы» (так озаглавила она новую разлинованную в голубые линии тетрадь, куда собиралась записывать ход работы), умуд-

ренная опытом учительница решила начать с нуля, то есть опросить всех причастных к этой весьма деликатной истории...

Список с фамилиями («подозреваемых» – так про себя стала называть всех тех, с кем вознамерилась побеседовать Михеева Валентина Алексеевна), аккуратно выведенный красивым учительским почерком, она отнесла на стол к секретарю школы, чтобы в официальном порядке назначить время встречи на эти выходные для опроса (допроса) и разъяснения сложившейся ситуации в выпускном «В» классе.

Первой в списке значилась Агапкина Анжелика Игоревна. Пятница, 20:00. Встреча у директора (свидетеля) дома.

Последними числились Худова Саша и Неугодникова Лиза.

Глава 2. Тайный рецепт успеха

Валентина Алексеевна Михеева, заслуженный педагог, обладатель множества грамот и похвал, имела в школе особое положение. В первую очередь потому, что всех учеников ее выпуска отличала очень хорошая грамотность, воспитанность и прекрасное поведение. Это отмечали коллеги и другие эксперты. Поэтому родители малолеток заранее старались записать будущих первоклассников именно к ней в класс, просили и писали заявления на имя директора с подобными просьбами из года в год. А во-вторых, непосред-

ственно в школе №2, ныне просто лучшего колледжа страны, а также на важных постах в органах управления, в сферах строительства, торговли и тому подобное по округу и в округе, прекрасно трудоустроились многочисленные ученики и ученицы Валентины Алексеевны, выпущенные за тридцать пять лет преподавательской деятельности. Все эти мальчики и девочки, выросшие в больших и красивых тетях и дядях, никогда не забывали поздравить свою первую учительницу с Новым годом, с Днем учителя, а также с днем рождения, который, к слову сказать, выпадал на ближайший понедельник. Устраивалось настоящее паломничество, церемонии, торжественные поздравления, говорились громкие и великодушные слова, дарились бесчисленные подарки. Валентина Алексеевна, скромный по сути человек, в этот день внутренне раздваивалась, ибо часть души ее искренне радовалась таким знакам внимания, а с другой стороны, становилось совершенно неловко от всех этих похвал, слов, конфет, цветов и порой весьма ценных даров. Но, как опытный педагог и очень мудрый человек, она понимала важность этого дня именно для своих бывших и настоящих учеников, которые хотели обязательно увидеть свою покровительницу и выразить словами или делом, подарками ли, кто как мог, свою признательность, уважение и внимание. Она принимала эту щедроту с большой благодарностью и от всей души. Вы спросите, а что же такого важного успевала сделать за три года для всех этих людей простая учительница?

Валентина Алексеевна не просто учила детей грамоте и правилам хорошего тона, она дарила всю себя без остатка, посвящая свое время, ум, опыт, энергию, внимание детям, не делая исключений ни для кого. Тщательно готовилась к урокам, анализировала и размышляла, как улучшить свою работу. Постоянно искала новые принципы, подходы, уловки, методы, резервы, чтобы донести до учеников все самое важное, что они должны будут унести в свою будущую взрослую жизнь. Никогда не приходила на работу в плохом настроении, всегда была бодра и весела, радостна и полна любви и новых идей. Взрослые и дети чувствовали этот сладостный аромат уверенного счастья, нежности и мудрости, часто на перемене ребята пытались обнять ее, прислакаться, сказать или спросить что-то важное. На примере учительницы дети сознательно и бессознательно обучались самому важному принципу, в первую очередь гласившему: вырасти человеком хорошим, честным, верным, совестливым с самим собой и с другими. Как она добивалась без крика и увещаний того, что на ее уроках дети чувствовали себя неловко, если приходили с невыученными уроками? Не врать, а говорить честно правду, пусть и горькую? Старались в следующий раз обязательно самостоятельно исправить ошибки? Как она заставляла детей радоваться своим даже самым маленьким успехам? Не обижаться на критику? Не жаловаться на других? Во всем находить идеи для будущего развития?

Возможно, именно поэтому многие ее выпускники пошли

учиться на педагогов, оставив глупые мысли легковесной моды стать непременно моделями, банкирами или светскими львицами, и вернулись в родную школу дипломированными специалистами, продолжая прекрасную традицию мудрых наставников.

Был ответ на этот вопрос. Сама Валентина Алексеевна его прекрасно знала, делясь с молодыми коллегами этим старинным трудоемким секретом успеха, который стоил времени и сил.

Все проблемы детей, образовательные или воспитательные, ведут свои корни из родительской семьи. Поэтому работа с тем или иным учеником проводилась Валентиной Алексеевной в будни днем – на школьном поле, а в выходные и по вечерам – за его пределами. После своего официального рабочего дня старая учительница взяла за правило посещать одну-две семьи своих подопечных, как это делали когда-то советские учителя, а до них – целые поколения домашних, городских и сельских просветителей и наставников. И вот тут Валентину Алексеевну, когда-то юную выпускницу педучилища, ждало много открытий, она познавала на практике, как ценны встречи и разговоры с родителями в неформальной, домашней обстановке. Важны не только для ее маленьких учеников, но на деле оказывалось, просто бесценны для взрослых.

Спокойно выслушанные речи, со вниманием воспринятые жалобы расстроенных родителей, неназойливо данный со-

вет, ненавязчиво оказанная поддержка и даже простое доброе рукопожатие или проникновенно брошенный взгляд понимания и одобрения творили чудеса с отметками и поведением даже самых отъявленных хулиганов и двоечников. А порой за обычным официальным визитом следовал настоящий разговор по душам, и многие взрослые на глазах превращались в маленьких растроганных детей, столкнувшихся с трудностями в жизни, сами ищущих помощи и понимания. И становилось совершенно очевидным, что проблемы ученические всего лишь следствие проблем домашних. Валентина Алексеевна явственно понимала, что если она не найдет способа помочь той или иной семье – не сможет помочь и ребенку, за которого искренне болело ее доброе сердце. И она находила то самое словцо или то самое решение, после которого открывалось «второе дыхание» или загорались новым светом глаза, и взрослые с новым вдохновением принимались за свою жизнь. Валентина Алексеевна скромно уходила на второй план, выполнив свое маленькое, но весьма важное дело. И это на время давало передышку всем, наступал мир, когда каждый возвращался в свое пространство, пока не наступали новые трудности, как и бывает в обычной человеческой жизни...

Вот такой простой рецепт, делающий из хулиганов – замечательных веселых мальчишек, из двоечников – усидчивых хорошистов, из прогульщиков – гениальных поэтов, из вредин и капризуль – ласковых тружениц, из зубрил – счаст-

ливых пятерочников, из пятерочников – замечательных наставников для двоечников.

А из всех мам и пап, бабушек и дедушек – добрых знакомых, отзывчивых помощников и верных товарищей и замечательных друзей школы в лице Михеевой Валентины Алексеевны.

Поэтому в деле «Бедной Саши и несчастной Лизы» старая учительница и опытный детектив в одном лице направилась «на чай» (на допрос) к первому свидетелю происшествия – Агапкиной Анжелике Игоревне, директору школы и в прошлом лучшей ученицы класса.

Глава 3. Свидетели, потерпевшие и обвиняемые

Первый свидетель

Анжелика Игоревна с искренней радостью встретила в дверях свою старую обожаемую учительницу и в одном лице – ответственного за принятие сложного решения в неразрешимом деле про двух хулиганок и каприз, на глазах рушащих карьеру молодой, успешной, амбициозной директрисы добившейся для колледжа дважды звания «лучший» и всевозможных привилегий и призов. Анжелика очень рассчитывала на помощь Валентины Алексеевны, зная, что та подойдет к вопросу со всей тщательностью и обстоятельностью, творческим подходом и новаторством, порой поражающими педагогический состав, и не потерявшими силу за

долгую практику и весьма зрелый возраст. Это была ее последняя надежда.

Пока директор заваривала чай, Валентина Алексеевна оглядывалась, рассматривая красивую современную мебель, свежий ремонт, яркие предметы интерьера. Давно она не была в гостях у этой ученицы, а зря, про себя отметила старая учительница, наблюдая идеальный нежилой порядок, будто бы главные хозяева в квартире – это вещи, а не люди.

Наконец, они прошли в зал, где уже был накрыт стол, и Анжелика стала разливать душистый чай по красивым фарфоровым чашкам, неотъемлемому аксессуару учительского быта.

– Как будто одной фотографии не хватает, – заметила Валентина Алексеевна, кивая на стену, увешанную дипломами и фотографиями Анжелики с грамотами за «лучшая», «лучший», «выдающийся» и прочее в компании других директоров школы, начальников гороно, мэра, губернатора региона...

– Ну да, – рассмеялась застенчиво молодая женщина. – Просто, если в этом году наша школа в третий раз выигрывает олимпиаду, конкурс и чемпионат на «Лучший из лучших», то мы окончательно получим статус «Лучший колледж №1» и будем номинированы на гранты самого президента, и тогда здесь появится почетная фотография с ним.

Глаза Анжелики горели, а красивое лицо пылало торжеством и ликованием. В этот момент она была неотразима,

и Валентина Алексеевна засмотрелась и залюбовалась ею. Ведь в свое время Лика Агапкина числилась в первых красавицах школы, став победительницей и мисс всевозможных конкурсов красоты по школьным рамкам. А кроме милого личика, Лика была самым дисциплинированным и смышленным ребенком, круглой отличницей, самостоятельно пробивавшей гранит науки с необычайной силой и упорством. Правильные черты лица, красивая спортивная фигура, точность и согласованность действий и слов, дисциплинированность, целеустремленность, задор помогли девушке подняться до руководящей должности и повысить престиж курируемого заведения до высочайшего уровня. Со всех концов нашей необъятной страны другие школы равнялись на показатели общеобразовательной школы №2, не так давно получившей статус колледжа, но по старинке все еще называемой школой, иностранное слово так и не приживалось.

Безусловно, большие амбиции и здоровое честолюбие в таком деле были нужны и важны, но все-таки в душе это пустующее место покорило старую учительницу.

– А где же Геля?

– У нее сегодня теннис, рисование, а потом актерское мастерство, – с улыбкой отвечала хозяйка дома, – отец привезет ее к ночи, поэтому мы можем спокойно беседовать.

Валентина Алексеевна трижды постучала по столу красивыми длинными пальцами женственной руки, давней привычкой сосредотачиваться, начала:

– Анжелика Игоревна...

– Ой, Валентина Алексеевна, пожалуйста, оставьте официальный тон, – взмолилась молодая женщина, хватая теплые руки своей первой учительницы, – не надо меня подготавливать, жалеть... Вы же знаете, я умная девочка... А вы всегда оказываетесь правы... Дайте совет, как разрулить ситуацию с обезумевшим родительским комитетом из злобных мамочек и неадекватными чиновниками, по чертовой случайности, оказавшихся родственниками этих ненормальных девчонок?!

Валентина Алексеевна плавно вынула руки из цепких рук директора, в уме отмечая, что порой ни образование, ни прочитанные книги, ни теннис, ни актерское мастерство не могут исправить ошибки плохого воспитания, выправить грубый ум... В таких случаях, засучив рукава, принимается за воспитание сама жизнь.

– Лица, раз ты призываешь к искренности и открытости, за что благодарю тебя, я не стану юлить и выскажу свой прогноз и, скрестив пальцы, сама буду надеяться, что он не свершится. Ибо, насколько я могу судить, ситуация зашла слишком далеко, на кон поставлено много, замешено множество интересов, судеб, нервы взвинчены, люди настроены воинственно. И обычно все заканчивается плачевно для тех, кто заварил подобную кашу. Я думаю, какое бы решение не было принято, тебя рано или поздно уволят с этой должности...

Ахнув, Анжелика обескуражено прикрыла рот рукой и

молча откинулась на спинку кресла, на котором сидела. Такого поворота дела она не ожидала и тем более не ждала удара от своей доброй старой учительницы.

Весь этот монолог Валентина Алексеевна пыталась говорить спокойным серьезным тоном, но, конечно же, от ее взгляда не укрылось потрясение молодой женщины. А значит, дела обстояли еще хуже, чем она предполагала.

– Мне тяжело тебе это говорить, но, кроме меня, возможно, этого никто не скажет. Или ты не услышишь правду. Быть лучшей, стремиться к лучшему, самосовершенствоваться – это прекрасно. Но мудрейшие говорили, всему – мера. Нельзя в достижении своих целей ставить на кон судьбы других людей или идти по головам. Мне казалось, этот урок ты усвоила тогда, когда твой брак пошел по швам, именно по тому, что никто не мог угнаться за твоим рвением к победе.

– Разве я виновата, что умнее и лучше, чем те, кто меня окружает? – подавленным тоном тихо спрашивала Анжелика.

– Быть умнее не значит быть первой или лучшей, а вот уступить в нужный момент для того, чтобы другие почувствовали свою силу и смогли быть полезными для общего блага, – это настоящий талант и мудрость.

– Разве я виновата, что у меня получается лучше остальных?

– Не виновата, но, не позволяя другим быть самими собой, учиться рядом с тобой, ты лишаешься самого важного –

счастья единения с общим и в конце концов обрекаешь себя на одиночество. Ведь разве не это произошло с тобой пять лет назад?

– Брак разрушился, так как у него изначально не было потенциала. Разве могла я иметь что-то общее с человеком, который ни к чему не стремится? Это было ошибкой. За эти года я одна достигла большего, превратив нашу школу в эталон для подражания... – уверенным тоном прокозыряла Анжелика.

– А к чему привел твой эталон, посмотри: дети, их родители и учителя, подгоняемые какими-то фантастическими амбициями и идеями, превратились в вечно обучаемых чему-то учеников, которые перетекают из школы на курсы, с курсов на тренировки, а потом в руки бесчисленных репетиторов и так далее. Совершенствуются и улучшаются, учатся и учатся, а когда они собираются просто жить?

– Было бы лучше, чтобы они вообще ничего не делали и гуляли без дела по улицам? – раззадоривалась директриса.

– Я не говорю, что это было бы лучше, но такую высокую планку могут выдержать не все... Да и зачем нужна такая высота?

– А мы изначально предупреждаем всех родителей, отдающих детей к нам в школу, то есть колледж, что уровень требований здесь очень высок, нагрузки огромны. И не моя вина, что эти девочки бестолковы и просто больны, – парировала Анжелика, а потом, вскочив с дивана, побежала к ра-

бочему столу, выхватывая огромную папку бумаг и протягивая ее старой учительнице. – Посмотрите, вы почитайте, что вытворяет эта девица Неугодникова на своей странице в социальных сетях. Это только распечатка за прошлый месяц. Это же ужас! Кошмар! И в стенах нашего образцового колледжа! Да не дай бог, про это прознают! – махала руками раздосадованная женщина. – По нашей просьбе провели психологическую оценку ее состояния, и было однозначно установлено, что она не совсем адекватна и должна пройти более серьезные консультации, а возможно, даже лечение в психиатрической лечебнице!

Валентина Алексеевна углубилась в материалы и в душе тоже ужаснулась выходкам внучки когда-то заслуженного педагога, а ныне директора управления всех учебных заведений большой области. Лизу Неугодникову учительница помнила хорошо и не раз общалась с родителями, в том числе и на эту тему. Однако безрезультатно. Хотя сама по себе девочка имела желание учиться и слушать, но ей действительно требовалось особое внимание и другая, упрощенная программа. Судя по поведению, с годами дела только ухудшились, а семейные связи и покровительство сыграли злую шутку с несчастной девочкой. Но Валентину Алексеевну трудно было сбить с намеченного пути, поэтому она отложила папку в сторону, обещая вернуться к этому делу в воскресенье вечером, когда подойдет очередь.

– Мы, преподаватели, не можем вмешиваться в семьи на-

ших подопечных только лишь до определенной меры. Поэтому если родители, несмотря на советы учителей, решили оставить бедную Лизу учиться в нашей школе, и у нас нет инструментов...

– Да была б моя воля! – в сердцах крикнула Анжелика Игоревна. – Выпороть бы эту Лизу как следует и никаких таблеток не надо! Разбаловали до невозможности! Да только по рукам и ногам я связанная.

– Да, да. Как ни крути – опять тупик. Элитарность и престижность заведения сыграло и с тобою злую шутку, правдами и неправдами каждый стремиться впихнуть своих нерадивых детей тебе под крыло для улучшения и совершенствования...

– А Саша Худова, это ходячее недоразумение! Я с самого начала изучила ее способности, взяла под особый контроль и самолично занималась с ней. Но ведь это самообман! Нельзя из гусыни лебедя вылепить! Два слова не может связать, в одно ухо влетает – из другого вылетает! Все нервы мои извела! А выгнать или даже на второй год оставить не могу, и все потому, что это внучка Раисы Степановны. – Анжелика Игоревна всплеснула руками. – А для независимой комиссии по выпускному экзамену абсолютно все равно: кто чья внучка, дочка, мама или папа. Им важны результаты и оценки! Я знала, что этот день настанет... – закрыла лицо руками молодая женщина и громко заплакала. – Да, вы правы, они меня уволят. Они меня точно уволят! А я не виноватая...

Хотела, как лучше...

Валентина Алексеевна дала время пореветь бывшей воспитаннице, тем временем, достав из сумки дневник с делом и пометив моменты, которым следует уделить внимание при будущих беседах.

– Именно ты, Ликочка, подогревала надежды родителей и учеников серьезным кушем, похвалами. Ради этих рамок на стене они старались целый год, забывая об отдыхе и играх. А на самом деле за этим стояла обычная уязвленная гордость, желание доказать самой себе и другим, чего стоишь. И разрушенная семья – достойная цена этой недостающей фотографии с президентом, на придуманной тобой стене почета, а в реальности жалкого оправдания совершенным ошибкам.

Слезы переросли в рыдания, и вскоре Анжелика перекочевала в объятия растроганного педагога.

– Из милой Гели ты тоже хочешь сделать президента? – продолжала Валентина Алексеевна. – Иначе зачем обычной доброй девочке столько всего нужно знать и уметь?! Или ты ее в космос собираешься отправить? – по-доброму шутила пожилая женщина, по-матерински разглаживая разметавшиеся волосы.

– Насколько я помню, раньше на этой стене висели потрясающие фотографии со свадьбы. А на моей памяти вы были самой красивой и эффектной парой. Ведь Борис тоже из отличников, но, судя по всему, поумнее, чем ты, раз позволил

все это сотворить... А скорее всего, просто не смог остановить этот крейсер «Аврора» набирающий ход, – вздохнула женщина. – И еще мне кажется, Ликочка, что такое чувство не проходит бесследно. Ведь это большая редкость, о которой пишут романы, – любовь с первой школьной парты... Не женился он еще за эти года?

– Не знаю, мы не общаемся, – промычала директор из запутавшихся локонов, по-прежнему вися на шее у старой учительницы.

– Ну, так поди и узнай. Времени у тебя после увольнения будет много... – спокойным напевом вещала Валентина Алексеевна. Анжелика больше не плакала.

Тяжело вздохнув, ничего друг другу более не говоря, поникнув головами женщины, разошлись по своим делам... Впереди многое предстояло обдумать и сделать.

Второй свидетель

На следующий день, в субботу утречком, Валентина Алексеевна бодро уселась в трамвай №4, чтобы выйти на восьмой остановке. Маршрут вел в недавно отстроенный, новенький район города, где проживала Коробейникова Ираида Петровна с мужем и дочерью, еще один участник разразившегося скандала – глава родительского комитета всех трех выпускных классов «А», «Б» и «В» новоиспеченного колледжа №1.

Всмотревшись в весело бегущие по небу облака, старая

учительница напомнила себе, что с упадническим настроением или ожиданием провала многого не добьешься, поэтому, достав тетрадку с делом «Бедной Саши и несчастной Лизы», внимательно стала перечитывать свои заметки, в уме удивляясь, как люди сами себе громоздят преграды, о которые потом же спотыкаются и ломают жизни. «Но ничего! Будь что будет!» – скомандовала сама себе мудрая учительница и широко улыбнулась. День стоял чудесный, весенний, а впереди мерещилось светлое будущее: майские праздники, природа, прогулки, фонтаны, мороженое, гости, задушевные чаепития...

***

С большим радушием встретили Валентину Алексеевну и в этом красивом, богато уставленном доме.

– Мне бы не хотелось юлить и отнимать ваше драгоценное время, поэтому я выскажу свою точку зрения, которую разделяют все родители наших замечательных детей, чьи многострадальные успехи подняли уровень колледжа до «Лучшего в стране», – споро начала разговор Ираида Петровна. – Моя Танечка – умная, усидчивая, дисциплинированная девочка. Мы с мужем и моими родителями радуемся – не нарадуемся ее успехам и прилежности. И как вы понимаете, было бы совершенно неприятно, прискорбно и обидно потерять заработанные очки по вине каких-то прохиндеек, – и чрезмерно загорелое лицо Ираиды Петровны некрасиво искази-

лось, от чего накрашенные алым уголки губ несимпатично поползли вниз.

Валентина Алексеевна молчала. Она давно знала семью Коробейниковых, в частности Татьяну, ее ученицу, действительно отличающуюся прилежностью и усидчивостью, но, к сожалению, ни умом, ни сообразительностью. Заработанные очки, как выразилась глава родительского комитета и по совместительству мама Тани, доставались девчонке огромными усилиями, и старой учительнице не раз приходилось жалеть ученицу за проделанную трудоемкую, тяжело давшуюся работу, чуток завышая бал. Однажды, завидев Ираиду Петровну, классный руководитель первого «В» поняла, что судьба этой девочки целиком и полностью находится в руках самоуверенной матери и не подлежит обжалованию. А так как Валентина Алексеевна, зная свое место, всегда занимала сторону родных, пусть даже внутренне не соглашаясь с ними, отдавала себе отчет, что выбранная для ребенка участь – лучшее, что есть, и неоспариваемый факт со всеми вытекающими последствиями, которые в будущем лягут на плечи именно близких. Конфликты между преподавательницей и родителями, таким образом, отпадали сами собой.

Тем временем Ираида Петровна продолжала:

– Если наш колледж и в третий раз завоюет звание «Лучший», перед его выпускниками открываются широчайшие перспективы: поступление в первый университет страны без экзаменов, например, на самый престижный и недостижимый

факультет – юриспруденции. Где уже через три года Танечка сможет записаться на программу по обмену студентами с университетом Нью-Мехико и поехать туда на один год стажировки, чтобы получить досрочно международный диплом адвоката и улучшить свой английский до знания родного. И когда вернется, ее с удовольствием примут в любую крупную нефтегазодобывающую компанию. Оторвут с руками ногами, понимаете?! – многозначительно закончила женщина, теребя разноцветные перстни на ухоженных руках с длинными алыми ногтями, как раз в тон помады.

– Понимаю, – просто ответила Валентина Алексеевна, – а сама Татьяна согласна?

Из комнаты вышла высокая девица в эффектном красном платье, с красной сумочкой и в красных туфлях. Судя по яркому макияжу и прическе, собирающаяся на какое-то торжество. Тепло поздоровавшись со старой учительницей, девушка вяло подтвердила свои желания ехать в Америку и стать успешным адвокатом международных отношений.

– И конечно, приятно радуется получение президентских грантов и поездка в Лондон, – сладко улыбаясь, закончила Ираида Петровна.

– Не уверена, что поездка состоится. Насколько я могу судить, Худову Сашу и Неугодникову Лизу допустят до всеобщих экзаменов, – серьезно сказала учительница.

– Мы этого не допустим, – угрожающе прошипела Ираида, – Анжелика Игоревна даже не представляет, что своим

неразумным гуманизмом, ставя под удар судьбы детей, которые своим талантом и гениальностью добились всех тех высот для школы, то есть колледжа, может потерять не только доверие родительского коллектива, но и свою карьеру. У нас имеются рычаги, чтобы поставить на место недалёковидного директора. Ведь Анжелика Игоревна уверена, что именно она подняла колледж. Но нет! Мы, то есть они, – и Ираида выставила вперед палец, украшенный аляпистым перстнем, показывая на Таню, – вытянули своим усердием и оценками на федеральный президентский уровень. Не будет их – не будет колледжа! А вот если не станет директора... – черная нарисованная бровь круто поползла вверх, почти касаясь блестящих уложенных в модную причёску, волос.

– К сожалению, от Анжелики Игоревны ничего не зависит, – так же серьезно и просто сказала старая учительница.

Беседа закончилась, женщины сухо попрощались и каждый отправился по своим делам.

***

Валентина Алексеевна решила прогуляться до дома Худовой Саши пешком, тем более суббота благоухала ароматами распустившейся сирени, через которую переливались яркие весенние лучи, подогревавшие воздух. Чувства находились в смятении, но она подбадривала себя вновь и вновь. «Будь что будет!» – гласил девиз этого непростого запутанного дела.

А все-таки жизнь чрезвычайно мудра и сложна, размышляла женщина, вдыхая чудесные ароматы любимого города, где прожила долгую насыщенную счастливую жизнь.

Если бы школе суждено было завоевать этот конкурс и планы Ираиды Петровны сбылись, бедной замуштрованной отличнице Татьяне, по сути, обычной симпатичной девице с поверхностным мышлением, порой с трудом выражающей свои мысли, пришлось бы и дальше реализовывать честолюбивые мамашины планы: учить, зубрить, стараться, ехать неизвестно куда. А потом после всех этих мнимых достижений и подвигов превратиться в обычную домохозяйку, что и, собственно, стало с самой Ираидой... Валентина Алексеевна решительно замотала головой, разгоняя тягостные раздумья.

А вот если б Анжелике удалось-таки победить в этом конкурсе и добыть заветную фотографию с президентом, взлетевшие до небес амбиции сыграли бы с директрисой самую злую шутку, была уверена учительница. Ибо вознесшаяся гордыня и спесь никогда не доводили человека до добра. И опять мысли закружили в голове роем неугомных свирепых пчел. Что бы стало с Гелей? Наверное, ее тоже б отправили в Нью-Мехико бороздить космические океаны международных отношений...

Третий свидетель

В доме Худовых учителя младших классов и ответственного за разбирательство в деле двух учениц одиннадцато-

го «В» Михееву Валентину Алексеевну встречала бабушка Саши – Раиса Степановна, начальник отдела кадров при губернаторе Московской области. Ни папы с мамой, ни самой Саши в трехкомнатной квартире, убранной в классическом стиле с хрустальными люстрами и паркетом из воронежского дуба с новомодными супертонкими плазменными деталями, не наблюдалось.

Бабушкой Раису Степановну было назвать очень трудно. Небольшого роста, но с подтянутой фигурой и объемистым бюстом, прекрасно выставленным через стильную блузу, в элегантном костюме с золотой брошью, с высокой модной прической и последними технологиями в области омоложения, начальник отдела кадров отличалась недюжинной энергией, сплюсованной битами шарахающей во все стороны харизмой в виде лучезарной улыбки и искрящим чувством юмора. Валентина Алексеевна радостно улыбалась в ответ на теплые приветствия и комплименты и удивлялась, как отдохнула природа на Саше, отдав все свои предпочтения неунывающей прародительнице.

– Валентина Алексеевна, я все прекрасно понимаю, – с серьезностью начала бабушка, доброжелательно беря ухоженными надухаренными руками теплые руки старой учительницы, почти что своей ровесницы. – Саша – не ангел, я реально оцениваю ее достоинства и недостатки, – рьяно тряхнула челкой женщина. – Но она моя внучка! И я буду грызть и рвать все на своем пути, чтобы впахнуть ее в какой-ни-

будь теплый чистый кабинет госучреждения или какого-нибудь богатенького столичного банка, где она спокойненько, без нервов будет отрабатывать свой восьмичасовой рабочий день, получая приличные, достойные деньги, чтобы взрастить следующее поколение Худовых. Вы меня понимаете?!

Валентина Алексеевна молчала, всматриваясь в умное, прозорливое, увлеченное, некрасивое лицо собеседницы. Мудрая учительница взвешивала шансы в уме, сумеет ли она с помощью слов переубедить старую лису совершить совестливый поступок. А так как пожилой женщине терять было нечего, чтобы бояться всесильной «левой руки губернатора» – ни важного поста, ни серьезных связей, великих перспектив, – Валентина Алексеевна решила рискнуть.

Был у опытной, прожившей полвека в гармонии со своей совестью, мудрой учительницы один важный жизненный принцип, гласивший: «Будь искренним и говори всегда правду, это единственное, что может быть по-настоящему действенным в разговоре с хитрецом, подлецом, а тем более честным человеком».

– Уважаемая Раиса Степановна, – вынула свои руки из объятий посуровевшей начальницы кадров Валентина Алексеевна, – у меня нет детей и внуков, возможно, поэтому мне сложно согласиться с вашей картиной мира, где на одном кону вы ставите будущее внуки, а на другом – судьбы нескольких десятков человек. Но я взрослый и серьезный человек, чтобы честно оценить поступки каждой из заинтересован-

ных сторон, поставить себя на место и понять. Есть факторы, которые вы, вероятно, недооцениваете или прогнозируете не достаточно точно. Возьмусь выразить свое видение будущего, чтобы вы оценили происходящее с чужой колокольни, так сказать, и уже после этого приняли взвешенное решение. Саша была когда-то доброй, милой девочкой, и, если б ей не мешали со стороны, она б выросла в добрую милую девушку, в будущем, конечно же, нашедшую свою судьбу за несложной тихой офисной работой, о которой для нее грезите вы из лучших побуждений. Но мы, взрослые, своими страхами и нереализованными надеждами порой портим то, что и так прекрасно растет и развивается, достаточно только слегка направить в нужное русло.

Валентина Алексеевна достала и сумки пластиковую папку с делом Саши Худовой, вытащив несколько листов характеристик от учителей разных дисциплин и психологов. И коротко резюмировала общую данность: невнимательность, плохо развитая речь, плохо оперирует цифрами в голове, безынициативна, ленива, хитра, злоязычна, имеет твердый ригидный неуступчивый характер, некоммуникабельна, плохо ладит с одноклассниками, не имеет друзей среди сверстников и так далее.

Лицо Раисы Степановны на глазах бледнело, тут же покрываясь бордовыми пятнами. Однако ходу назад не было, и, не обращая внимания на реакцию, Валентина Алексеевна продолжила свою тираду.

– Из-за чрезмерной протекции с вашей стороны в классе Саша находится на особом счету, чувствуют это ученики, учителя и сама Саша. Все это не прибавляет бедной девочке популярности, и она, понятное дело, словно раковина ракушки, закрывается и вредничает в ответ, зная о своей безнаказанности. Впереди череда сложных испытательных экзаменов, от результатов которых зависят судьбы трех классов, их родителей, учителей, директора школы и колледжа в целом, а также злополучной поездки в Лондон. Будет проведена независимая экспертиза с привлечением педагогов с других школ, на которых при всем желании нельзя будет поддаться ни конфетами, ни громкими должностями и ни уговорами. Саша не сдаст экзамены... Это очевидно не только мне, но и всему педагогическому составу, одноклассникам, директору школы, которая курировала вашу внучку с седьмого класса, прозорливым взглядом предвидя надвигающиеся сложности... Но это не помогло.

– Оценки для будущей карьеры не главное, важна корочка... – будто сама себе напомнила погрузневшая начальница-бабуля.

– Все это я вам говорю не для того, чтобы расстроить. Наоборот. Послушайте внимательно: Саша не сдаст экзамены по программе колледжа, претендующего сразу на три номинации в труднейшем соревновании, но вполне себе получит удовлетворительные оценки в обычной образовательной школе по общим нормативам, – и, не переводя дух, Вален-

тина Алексеевна продолжала: – Саша неумна по школьной программе, но вполне себе деловита в обычной жизни. У нее твердый, сложный характер, она умеет манипулировать людьми, добиваться чего хочет своими методами. Неужели вы думаете, такая девочка пропадет по жизни?

Учительница улыбнулась, завидев зарумянившиеся щеки и затеплившую улыбку на лице Бабушки. Все-таки она сумела задеть за «живое» старую лису.

– Хорошо, согласна, – давая задний ход, произнесла бабушка. – И что вы предлагаете?

– Хотелось бы закончить, Раиса Степановна, эту неприятную для меня в том числе речь. Ибо судьба Саши мне тоже небезразлична. Вы можете поступать как знаете, воткнув Сашу в самые «теплые и нагретые» местечки в министерстве. Сможете подобрать ей квартиру в лучшем районе города, купить элитную мебель, выбрать мужа... Но подумайте о будущем Александры, ведь со временем не станет вас и вашей поддержки. И тепличные условия содержания сыграют злую шутку с вашей внучкой. Расхваленные таланты, дорогие подарки, тотальная протекция разогреют нерадивый разум, но законсервируют его, не дадут самостоятельно развиваться в понимании собственных возможностей и границ. Неужели вы не видите надвигающиеся свинцовые тучи над головой девочки, которые в будущем обязательно разразятся громом и молнией. Женятся на квартирах и машинах, берут за связи, но потом человек должен сам бороться, сам стремиться,

сам желать и осуществлять задуманное... А Саша, бедная Саша всего лишь обычная девочка, – улыбнулась Валентина Алексеевна, глядя на фото в рамочке, где тонкое бледное лицо внучки Раисы Степановны смотрело с белых пляжей, утопленных в плакучих экзотических пальмах.

Валентина Алексеевна, добродушно улыбнувшись, привстала, собираясь уходить.

– Мы с вами взрослые люди, чтобы трезво оценивать таланты наших детей и свои собственные возможности, а также понимать, что невозможно устлать соломкой всю их жизнь, тем самым отбирая бесценный радостный опыт познания этого прекрасного сложного мира. Наша задача быть с ними, но не делать все вместо них.

Раиса Степановна ничего не ответила. Бушующая харизма и боевой настрой сделать Сашу великим директором разбили о честность строгого педагога. Было о чем подумать.

В свою очередь, Валентина Алексеевна не сильно надеялась на этот разговор, зная, что ригидность мышления не только передается из поколения в поколение, но очень тяжело выветривается из характера. Одного разговора здесь недостаточно. Ей просто хотелось, чтобы бабушка вспомнила ее слова и не переборщила с опекой, когда придет время.

Четвертый свидетель

Итак, разбирательство дела Саши с Лизой подходило к

концу, после чего Валентина Алексеевна должна была решить, как правильно поступить в этом непростом деле, где на одной чаше стояло будущее колледжа в лице выпускников и их родителей, учителей, директора, а на другой – справедливость и сочувствие к девочкам, которые стали камнем преткновения в игре за ценные призы. Оставалось посетить последнюю ученицу, Неугодникову Лизу, и попробовать убедить ее родителей уступить во благо других и престижа колледжа.

Эту встречу старая учительница решила назначить на воскресное утро, оставляя вечер для отдыха и окончательного обдумывания.

Елизавета Неугодникова, ученица одиннадцатого «В», проживала в большом частном доме, в котором умещалась ее многочисленная семья во главе с дедушкой Георгом Валентиновичем, начальником горно.

Так как добраться до жилого сектора было довольно сложно, за учительницей была послана машина.

В большом доме, сверкающем от мрамора, стекла и металла, встречали Валентину Алексеевну все представители семейства. В углу в кожаном кресле, тихо поздоровавшись, примостилась Лиза. Судя по озабоченным лицам, разговор начался еще до прихода Валентины Алексеевны и явно не закончится после ее ухода.

Как и ожидала гостя, слово сразу же взял властный Георг Валентинович, достав какие-то бумаги из стола. Листы,

исписанные синей ручкой от руки, были «Докладными» и «Заявлениями» от лица всего родительского комитета, одноклассников, а также некоторых учителей.

Георг Валентинович, заложив руки за спину с бумагами дела, тут же перешел в наступление:

– Меня эта ситуация давно волновала. Это уже не первый случай жалоб со стороны родителей в адрес самоуправной директрисы и ее бесчеловечных экспериментов с нашими детьми. В погоне за престижем она ставит на кон судьбы людей! А кто позволил такое самоуправство? Кто дал право? Развела, понимаешь ли, самодурство, эгоизм и безнаказанность! Вот что это такое!

Валентине Алексеевне, внимательно слушающей эту гневную речь, вдруг почудилось, что Георг Валентинович все это говорил не об Анжелике Игоревне, а как будто о себе. Ведь правда, его слова отлично характеризовали поведение самовольного, капризного, неэтичного, эгоистичного, несправедливого самодура, чем славился старый начальник, на которого тоже не раз писали заявления и жалобы в вышестоящие органы.

Не зря мудрецы изрекли: «В своем глазу бревна не видит, а в чужом соринку разглядит», – шутливо подумалось Валентине Алексеевне, которая решила закончить этот бесполезный монолог и начать конструктивный диалог, про себя скомандовав: «Будь что будет!»

– Георг Валентинович, дело, за которое я ответственна,

требует очень серьезного подхода, ибо замешены судьбы детей и целой школы. Имеются также некоторые щепетильные моменты, которые я хочу обсудить с родителями Лизы наедине. Поэтому прошу высказать то, что вы не успели сказать, а затем оставить меня с непосредственными попечителями Лизы Неугодниковой.

Георг Валентинович онемел от того, что впервые за долгие годы его прервали на полуслове, что могли позволить себе лишь начальники сверху, но никак пожилая учительница снизу. Но, уперевшись в твердый взгляд Валентины Алексеевны, в котором читалось железное намерение сделать так, как правильно, Георг Валентинович пошел советоваться с домочадцами, Лиза по-прежнему безучастно сидела в кресле в углу.

Как и ожидала Валентина Алексеевна, комнату покинули недовольные родители, оставив разбираться с «нахальной училкой» предводителя семейства. Лиза осталась на месте.

– Георг Валентинович, разговор очень серьезный, могли бы вы попросить Лизу тоже выйти.

Наконец взрывной характер начальника не выдержал такого количества приказов, отдаваемых не им самим, и, покрываясь бордовыми пятнами, мужчина сердито выдал:

– Я еще подниму вопрос о том, чтобы учителей экзаменовали на этичность и хорошие манеры. Что вы себе позволяете?! Чему вы учите ребенка? Хотите за спиной у девочки рассказывать ваши гадостные сплетни? Это, по-вашему, пе-

дагогика?

– Лиза, я прошу тебя выйти, конечно же, не для того, чтобы говорить гадости и плохие слова за твоей спиной. Наверное, ты это понимаешь, – простосердечно улыбнулась учительница, обращаясь к девушке, замершей в кресле. – Просто разговор касается множества тем, некоторые из них касаются непосредственно твоего дедушки. И эта информация тебе будет неинтересна.

Лиза, легко вспорхнув, быстро покинула залу. Георг Валентинович, второй раз онемев от такого форменного нахальства со стороны гостыи, принялся-таки выслушать настырную учительницу, сев в то же кресло, где сидела внучка, и демонстративно скрестил руки на груди, придав лицу надменный вид.

– Итак, Георг Валентинович, задача, с которой я пришла к вам в дом, не из легких. Рассказать, что с вашей девочкой случилась беда. Не скрою, мне было бы проще разговаривать с матерью Лизы, ибо это весьма деликатная тема. Ужасно неприятная история с выпускными экзаменами на самом деле оказала услугу вашей семье, вскрыв эту проблему, с которой вам теперь предстоит что-то делать.

Валентина Алексеевна достала из сумки распечатки странички с социальных сетей Лизы, а также объяснительные и жалобы со стороны учителей, и психологическую справку о состоянии здоровья ученицы одиннадцатого «В».

Георг Валентинович долго изучал бумаги, достав из кар-

мана рубашки очки. Кое-где его брови взмывали вверх, отвисала челюсть, мужчина бледнел, краснел, как совсем недавно сама Валентина Алексеевна. Наконец, дойдя до жалоб классного руководителя, а потом психолога, бедный дед не выдержал, бросил бумаги на диван и заговорил упадническим голосом:

– Это все вранье! Наговоры! Вот если б вы видели, как она держится в седле, ее награды на соревнованиях... Или какая она любознательная в поездках... Какие умные вопросы задает! Все запоминает! Все слышит! А какая она добрая... Она мне мою маму напоминает в молодости...

Валентина Алексеевна прикусила губу от этой трогательной сцены. И сама себе ответила на вопрос, откуда в Лизе эта смена настроений, взрывной характер, неадекватность, тут же сменяемые ипохондрией.

А потом случилось то, что и должно было случиться. Георг Валентинович вдруг вскочил, бросая бумаги под ноги учительницы, и взревел от негодования, выкрикивая все, что он думает об этих бумажках-писульках бестолковых грамотеев, которым только бумагу переводить, о Валентине Алексеевне – «сапожнику без сапог», которую нужно отстранить от преподавательской деятельности, ибо у нее нет своих собственных детей, а значит, она понятия не имеет что им нужно, о преступных ошибках учителей, которые, словно страусы, держали головы в песке все это время, не обращая реального внимания на бедную Лизу, о непроститель-

ном недосмотре со стороны самовольной директрисы, у которой неудачный опыт построения семьи, а значит, она подает плохой пример своим ученикам... Одним словом, были виноваты все.

Валентина Алексеевна же во время этой уничижительной тирады обратила внимание на страшную душевную муку, исказившую лицо несчастного дедушки, нехорошо покрасневшее, с нещадно вздувшимися синими венами на седых висках. Становилось ясным, если срочно что-то не предпринять, еще чуть-чуть, и начальника гороно хватит удар. Нужно было действовать.

Валентина Алексеевна, слегка коснувшись рукой лба, томно вздохнула и плюхнулась в глубокий обморок, рапластавшись на полу, прямо на глазах у Георга Валентиновича, в третий раз онемевшего от шока.

Уже через минуту на безумный зов деда прибежали все. Поднялась невероятная суета, все пытались привести в чувство бедную женщину, не выдержавшую натиска со стороны напористого начальства. Дети шикали на отца за неумный характер и пробовали вызвать «скорую» или померить давление, махали газеткой и платками перед бесчувственным лицом несчастной. Лиза тихо плакала, держа теплую руку учительницы, злобно поглядывая на деда. Несчастный начальник, только что оравший дурным голосом, ошеломленно упал в кресло, предчувствуя, что этот перебор с криком плохо отразится на карьере, если дело предать огласке.

Валентина Алексеевна тем временем дала еще пару минут для попыток ошалелых родных Лизы привести себя в чувство. Потом, шатаясь, привсталала и попросила отвезти себя домой, отказывая в увещеваниях посетить госпиталь. С бледным Георгом Валентиновичем пожилая женщина не попрощалась, в душе надеясь, что начальник горно сделает правильные выводы про неумное своеобразие и резкость.

***

Весь вечер Валентина Алексеевна провела в домашних делах, пытаясь абстрагироваться от школьных мыслей. Дело в том, что всю ситуацию и ее возможные последствия учительница поняла и предвидела еще на директорском совещании. И решение было принято тогда же, просто, как обычно бывает, сердце надеется на чудо, а разуму нужны доводы. Поэтому после уборки, помывки и чистки квартиры Валентина Алексеевна позвала в гости подругу, чтобы посвятить вечер просмотру новой экранизации Шерлока Холмса, заранее заготовив мятный чай и шоколадные конфеты. А в неприятном деле «Бедной Лизы и несчастной Саши» была поставлена жирная точка, где каждый из свидетелей удивительным образом оказывался обвиняемым, судьей и палачом одновременно, возможно, даже не подозревая об этом. Справедливость была восстановлена, оставалось лишь узнать, как сама жизнь разложит все по полочкам.

Глава 4. Вердикт и финал

К этому дню готовились многие: ученики, родители и педагоги, знакомые и друзья, соседи и односельчане... Ибо так уж получалось, вольно или невольно Валентина Алексеевна занимала в жизни этих людей очень важное место. И благодарные сердца не могли пропустить, чтобы не поздравить доброго друга и покровительницу с ее днем рождения, тактично забывая произносить вслух солидную цифру юбилея.

День рождения начинался с просмотра почтового ящика, полного ярких открыток с цветами и кошечками. Дело в том, что когда-то давно Валентина Алексеевна попросила учеников не дарить ей дорогих подарков, лучшим даром считая весточку о том, как поживают ее многочисленные ученики. Эта просьба передавалась из уст в уста, и даже тем, кто лично ее не слышал, нравилось раз в году писать своей первой учительнице, кратко повествуя о своей жизни. Валентина Алексеевна всегда со счастливой улыбкой доставала пухленькую стопочку открыток, прикладывая их к груди и роняя благодарную слезу. Думается, все эти люди знали, что этот знак внимания очень важен старой женщине, поэтому никогда не забывали отправить открытку. А может быть, в этот век компьютерных новшеств, от которых рябит в глазах, им самим нравилось по старой привычке заполнять квадратики с индексом города и писать приятное многозначашее «Дорогая Валентина Алексеевна».

В любом случае, этот день делал счастливым не только пожилого педагога, а еще пару сотен взрослых и юных душ.

В школе же юбиляршу ждал цветочно-конфетно-фарфоровый рай и множество-множество объятий, поцелуев, пожеланий, улыбок и немного благостных женских слез.

Из горно прислали огромный букет розовых цветов и красочную открытку с пожеланиями здоровья, подписанную Неугодниковым Георгом Валентиновичем от лица руководства. Учительская и классная комната утопала в цветах и подарочных коробках, однако Валентина Алексеевна старалась не прерывать урок, прося поздравляющих заходить в перемены или после уроков.

***

Докладная о ходе разбирательства и принятом решении ответственного делегата Михеевой В.А. лежала у Анжелики Игоревны уже сначала уроков, в 8:30 утра. Директриса периодически вздыхала, собираясь с духом, чтобы огласить заинтересованным окончательный вердикт по этому делу.

К полудню ей в кабинет занесли заявление от родителей Худовой Александры о срочном переводе девочки в другую школу.

Анжелика Игоревна, ошеломленно качая головой, не поверила своим глазам, читая написанное, представив, чего стоил ее первой учительнице разговор с начальником отдела кадров и начальником горно.

Однако одно заявление дела не меняло. Лиза Неугодникова с ее хулиганством и низкими оценками одна могла испортить общий табель успеваемости и идеального поведения выпускного потока. А значит, попытки Валентины Алексеевны урегулировать разгорающийся скандал закончились неудачей. Собравшись с духом, Анжелика Игоревна попросила секретаря напечатать приказ о допуске к выпускным экзаменам всех учащихся одиннадцатых классов. Без исключения. Все дети, чьи счастливые ученические годы прошли в стенах образовательной школы №2, а ныне колледжа, имели право сдать экзамен по предложенной программе, претендуя на высокие баллы, престижные грамоты, ценные призы и льготы и, конечно же, поездку в Лондон в случае победы в конкурсе.

Глава 5. Следствие закончено

Валентина Алексеевна, счастливая и уставшая, с огромными букетами цветов и увешанная подарочными пакетами, как новогодняя елка, уже вечером, после чаепития с коллегами и родителями школы по случаю дня своего рождения, возвращалась к себе домой и увидела на лавочке у подъезда грустную директрису школы, по видимости, давно ожидающую старую учительницу.

Нетрудно было догадаться, что у Анжелики Игоревны был тяжелый день. Валентина Алексеевна, с сожалением взгляды-

ваясь в лицо бывшей ученицы, пригласила ее на чашечку чая наверх. Молодая женщина взяла цветы в охапку, и они молча поднялись в квартиру.

Разложив, поставив, вместив новые предметы в доме по местам, наконец, женщины уселись на кухне, заварив ароматный липовый чай.

– Где я сделала ошибку? – грустно спросила Анжелика, вглядываясь в мудрые глаза женщины напротив.

– В тот момент, когда ты перестала видеть реальность через призму интересов других людей, перестала слышать их голоса и мнения, решая за них, что хорошо, а что плохо, – в этот момент все пошло наперекосяк, – просто ответила мудрая женщина. – Видишь ли, какая штука, одна птица, взлетев в небо, не знает, куда и зачем лететь. Но стоит только целой стае взлететь, тут же у них появляется понимание, куда и зачем. Из стаи выделяется вожак, который ведет за собой всех. Но стоит только взять этого вожака и вновь оставить одного, он превращается в обычную птицу, которая одна не знает, что ей делать, – разливала по чашкам горячий чай Валентина Алексеевна. – Люди сложнее, чем птицы. У них есть чувства, цели, амбиции, но это не меняет законов мироздания. Сам по себе человек ничего не стоит... – мудрые глаза добродушно улыбались.

– А как же индивидуальность? Личность? Неповторимость?

– Э, сказочка про белого бычка ваша индивидуальность, –

махнула рукой, учительница, дуя на дымящую чашку. – Бред сивой кобылы! Вот пожила ты индивидуально и неповторимо пять лет... Понравилось? – с укором спросила женщина.

Анжелика Игоревна горестно опустила глаза.

– Видишь ли, свой собственный голос, если прислушиваться только к нему, начинает перебивать все остальные, становится невероятно громким и важным, а другие кажутся слабыми и незначительными. И в этот момент ты превращаешься в ту самую глупую птицу, без стаи не знающую, куда и зачем она летит.

– Сегодня Борис забирает Гелю... – тихо сама себе сказала Анжелика.

Эпилог

Колледж №1 в текущем году не занял призовое место по предложенным номинациям, потеряв предыдущие набранные очки и баллы. По условиям престижного конкурса с него были сняты регалии «лучший» и «№1», к сожалению, президентские гранты отошли другому учебному заведению Сибирского федерального округа, который по набранным баллам, выпускным оценкам и независимой экспертизе был признан лучшим по успеваемости и подготовленности быть примером для других, а также выступать на образовательных мероприятиях при присутствии главы государства. Сибирские выпускники одиннадцатых классов лучшего северного

колледжа №1 посетили в этом году пасмурный Лондон и его достопримечательности, включая квартиру всеми известного персонажа на улице Бейкерстрит, 226.

Разгневанный родительский комитет штурмовал все возможные инстанции жалобами и докладными, добиваясь увольнения Агапкиной Анжелики Игоревны, допустившей непростительную ошибку, по вине которой колледж утратил престиж и заслуженные регалии с бонусами. Не дожидаясь ответа гороно, сразу же после экзаменов молодой директор написала заявление об уходе по собственному желанию, желая избежать ненужного скандала и шумихи, понимая и принимая свою вину.

Худова Александра была переведена в другую школу, где успешно сдала выпускные экзамены на весьма приличные отметки, обрадовав тем самым свою бабушку и родных, получив ожидаемый сюрприз на окончание школы – красивый красный автомобиль. Сразу же после школы Александра вошла в управленческий коллектив известного в городе банка и проработала там более трех лет. Позже банк был перепродан столичным хозяевам, и Александру с позором, но с пятимесячной компенсацией выгнали, так как новому руководству нужны были профессионалы на местах. Саша долго не работала, зато успела выйти замуж, вскоре обрадовав семью пополнением в виде девочки, которую назвали в честь прабабушки. В целом жизнь текла спокойно и своим чередом, сменяя черную полосу на белую и серую.

Неугодникова Лиза не сдала выпускные экзамены, просто не придя в школу в назначенный день, а также неожиданно исчезнув на пару дней в компании малознакомых людей, чем ввела семью и местную полицию в неопиcуемый ужас и шок. У дедушки Георга Валентиновича Неугодникова случился инсульт по такому случаю, и он попал в госпиталь. Уже летом, придя в себя и вернувшись в строй, Георг Валентинович с неудовольствием отметил, что на работе его не ждали, намекнув, что место заготовлено для более молодых кадров. Поборовшись какое-то время, Георг Валентинович уступил, точнее уступило его здоровье, которое потребовало постельного режима в обязательном порядке. Отставку и запоздалый уход на пенсию пышно отпраздновали в лучшем ресторане города, однако в небольшом кругу друзей и родственников, с которыми ладили Неугодниковы. Именную поздравительную грамоту от высшего руководства повесили в главную залу. Лиза вскоре была помещена в клинику для прохождения обследования и последующего лечения. После первого случая побега случались и другие. В целом жизнь проходила спокойно, иногда принося неожиданные и порой неприятные сюрпризы.

Из-за поражения колледжа в престижном конкурсе Татьяна Коробейников не смогла поступить автоматом на самый желанный перспективный факультет лучшего университета страны. Ей и ее маме Коробейниковой Ираиде Петровне пришлось потрудиться все лето: одной – над зубреж-

кой, другой – по поиску подходящих связей, чтобы Татьяна таки поступила на юриспруденцию. А через три года институт Нью-Мексико принял-таки в ряды по обмену студентами одетую по последнему писку моды и люкса студентку третьего курса. Однако скоро выяснилось, что в Нью-Мексико, кроме университета, зоопарка, парка и пустынь, не было особых достопримечательностей, поэтому Татьяна являлась местной знаменитостью, привлекая внимание простых мексиканских и китайских студентов, одетых в шорты и майки, своими яркими шелковыми платьями с высокими и глубокими разрезами и стразами. Вскоре из-за погодных и прочих условий бедной Татьяне, оставленной одной на год для освоения просторов международных отношений, тоже пришлось переодеться в обычные джины и футболку. Через год она вернулась домой усталым, но дипломированным адвокатом международных отношений. Сразу же по приезду ее тут же «с руками и ногами оторвала» одна известная газодобывающая компания на должность помощника юриста с неплохим для начала окладом. Проработав несколько лет все в той же должности и с тем же окладом, Татьяна тайно вышла замуж за бывшего одноклассника Мухаммеда и, приняв мусульманство, уехала жить в прекрасный город Грозный, в большое и дружное семейство мужа, которое приняло девушку как родную. Несколько лет Коробейниковы не поддерживали контактов с дочерью, но время помирило враждующие стороны, в особенности после того, как Ираида Пет-

ровна увидела в социальных сетях фотографию своего первого внука из шести будущих. Татьяна никогда более не вернулась в газодобывающую промышленность, посвятив все свое время мужу и семье.

Август был богат на свадьбы. Валентина Алексеевна была приглашена сразу аж на четыре, женились выпускники, дети друзей, а также повторно регистрировали свой брак Агапкины Анжелика и Борис.

В тот вечер после липового чая на кухне у учительницы, Анжелика не поехала домой, а отправилась в актерскую студию, где после занятий Гелю ждал папа. Впервые за пять лет, встретив бывшего мужа лицом к лицу в коридоре, Анжелика Игоревна поняла, что совершила главную ошибку своей жизни, и, потеряв дар речи от такого ошеломительного прозрения, просто произнесла:

– Прости меня, я больше так не буду...

Удивительно, но эти несколько слов, которые говорят друг другу дети в садике, чтобы помириться, сказали Борису многое, например, что пять лет назад он тоже совершил самую большую ошибку в жизни.

Они забрали изумленную Гелю вместе, отписавшись от дальнейших занятий в актерской студии. И вообще освободили все выходные под прогулки на природе, иногда зазывая Валентину Алексеевну составить компанию.

Валентине Алексеевне всегда хотелось поехать с ними, но не всегда это было возможно. В особенности потому, что же-

нился ее любимый двоюродный внук Женя, который обожал собирать всю семью, с тетушками, бабушками и племянниками, устраивая потрясающие посиделки с песнями, шашлыками и играми на свежем воздухе в своем большом доме. И несмотря на занятость в сфере нефтедобывающей промышленности, никогда не пропускал ничей день рождения или праздник, предпочитая экзотическим странам семейные собрания и торжества.

В конце августа Валентине Алексеевне был неожиданный звонок из департамента образования, просили дать характеристики Агапкиной Анжелики Игоревны, бывшего директора школы №2 и, благодаря ее же достижениям, «Лучшего колледжа №1» за последние несколько лет.

Валентина Алексеевна подтвердила заслуги, а также отметила гибкий мудрый руководящий стиль молодой директрисы. Уже с октября новый перспективный начальник горно Агапкина А.И. приступила к своим обязанностям.

А с 1 сентября Михеева Валентина Алексеевна в очередной раз приняла первый класс с тридцатью маленькими симпатичными милыми ребятами, которым предстояло вырасти в больших и добрых дядь и тетя.

Ну, а что же с поездкой в Лондон?

После всей этой шумихи, интриг, скандалов и расследований родительский комитет решил-таки, что их дети заслужили долгожданную поездку в Лондон, несмотря ни на что. А так как все родители колледжа №1 были людьми серьез-

ными, при постах и хорошей работе, немалом окладе и с перспективами, им не составило труда самим собрать группу и оплатить поездку. Решили только слегка сдвинуть дату, поехать в туманный Альбион накануне волшебного Нового года. К группе решили присоединиться учительницы химии, физики, музыки и физкультуры, которые тоже давно планировали эту поездку. На общем собрании, где выбирались маршруты, поступило предложение пригласить в поездку Михееву Валентину Алексеевну. За счет большой компании турфирма делала скидку, таким образом, одна путевка получалась абсолютно бесплатной. Единогласно и единодушно все согласились с таким замечательным поворотом дел.

В этот потерянный «не лучший» для школы год Валентина Алексеевна побывала-таки на Бейкерстрит, 226, украшенном к католическому рождеству невероятным количеством лампочек и потрясающей мишурой, запомнившимся сказочным волшебным гостеприимством лучшего детектива всех времен и народов Шерлока Холмса.

Это поездка стала одним из лучших моментов выпустившихся во взрослую сложную и прекрасную жизнь одиннадцатых «А», «Б» и «В» класса.